

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА НЕВЕРБАЛЬНЫМИ СРЕДСТВАМИ (по роману М. А. Шолохова «Поднятая целина»)

**В. И. Горбачук,
Т. И. Татарина**
(Мозырь, Беларусь)

*В статье раскрывается невербальная характеристика образа Семена Давыдова.
Ключевые слова: паралингвистика, гаптика, окулесика, кинесика.*

*The article reveals the non-verbal characteristics of the image Seeds Davydova.
Keywords: paralinguistic, cognitive science, haptica, oculosics, kinetics*

Михаил Александрович Шолохов был непосредственным участником и свидетелем коллективизации на Дону. Наблюдая за поведением рабочих-путиловцев Баюкова и Плоткина, он сумел впоследствии создать правдивый образ посланца партии, двадцатипятилетнего Семена Давыдова.

Характеризуя Семена Давыдова, автор активно использует средства паралингвистики.

Первое, что бросается в глаза, это непостоянство голоса героя.

Осознание исторической цели, неизбежности «молодого колхозного дела» определяет и то рвение к работе, которым отличается Давыдов. Он боится за свою работу и его голос, ко-

торый, как отмечает автор, обычно спокоен, срывается на крик:

Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул: — Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! Я еще доживу до той поры, пока таких, как ты, всех угробим. [1, 42];

В обычные рабочие моменты, не требующие принятия скорого решения, голос Давыдова может приобретать легкий оттенок недовольства и раздумья:

Давыдов кинул на сундук кепку, зашагал по комнате. В его голосе были недовольство и раздумье: — Вот опять ты загинаешь... Беда

с тобой, Макар! Ну, ты подумай: разве можно за убой коровы расстреливать? И законов таких нет, факт! [1, 73].

Можно заметить изменения фона голоса:

— Ты что же это... так пашешь? — ощеря щербатый рот, **тихо** спросил Давыдов [1, 182].

В описании своего героя автор зачастую использует звуковые комплексы, которые возникают и принимают активное участие в разного рода физиологических реакциях и которые в акте коммуникации приобретают особые контекстные значения. Это смех, покашливание, скрип зубов и т. д. В тексте есть одна особенность их употребления. Эти неречевые звуки Давыдов использует только в разговорах с близкими людьми:

*Давыдов поднес к лицу Андрея свою законевшую ладонь, мучительно **заскрипел** зубами, — мамой заработанный рубль, и иду за хлебом... — И вдруг, как свинчатку, с размаху кинул на стол черный кулак, крикнул: — Ты!! Как ты можешь жалеть?! [1, 38];*

Для раскрытия характера героя автор прибегает к использованию средств **окулесики**, т. е. описанию выражения глаз и взгляда, хотя характеризуя автор указывает, что Давыдова, автор нечасто использует эти средства.

В первую очередь хотелось бы отметить, что определенного сходства в использовании окулесики, которое бы подчеркивало какие-либо черты, характерные именно этому герою, автор не употребляет. Только дважды было указано на сверкание глаз героя:

*Давыдов **яростно сверкнул** глазами: Ну, еще!... Бело вспыхнула молния, и ворон, уронив горловой баритонистый клетот, вдруг стремительно ринулся вниз. [1, 178]; Глаза Давыдова **сверкнули**, но он, все еще сдерживаясь, сказал: — А ты оставь свои пышные слова, липовый друг, и давай говорить по-деловому» [1, 310].*

Данные примеры употреблены в одинаковой ситуации: автор делает акцент на недовольство и встревоженность героя. Взгляд односторонний, неконтактный. Оба примера выполняют эмотивную функцию.

Следующий пример из текста указывает на его активную гражданскую позицию и желание жить и строить коммунизм по правилам и законам, которые приходили из вышестоящей инстанции:

*Управдел принес «Правду». Давыдов **жадно шарил глазами** [1, 8].*

Давыдов по натуре своей человек, обладающий добрым сердцем. С помощью средств окулесики автор передает это читателю:

*Тогда, так же, как и сегодня, удрученный плохими приметами, он наотрез отказался ехать в первую бригаду, ссылаясь на приснившийся ему отвратительный сон, и вдруг **обычно добрые, даже ласковые с веселинкой глаза Давыдова потемнели, стали холодными и колючими** [1, 327].*

Стоит отметить, что использование наречия «обычно», указывает на постоянство данной характеристики героя, а существительное с «веселинкой», имеющее уменьшительно-ласкательный суффикс еще больше усиливают прилагательное «добрые», «ласковые».

В этом же примере его глаза стали холодными и колючими, что указывает смену настроения героя, но тут же он взял себя в руки, и его взгляд опять становится прежним. Данный окулесический прием представляет собой «взгляд в лицо», о чем говорят слова Щукаря: «У тебя глаза зараз стали, как у цепного кобеля, злые и острые» [1, 327].

Смятение и некую робость мы можем увидеть в следующем примере:

*Давыдов мял в пальцах потухший окуроч, **смотрел в землю, долго молчал.** [1, 259].*

Опускание глаз рассматривается как умиротворяющий или успокаивающий коммуникативный сигнал, снимающий ненужное напряжение. В данном примере представлена **регулятивная функция**.

Итак, как было сказано выше, примеров окулесики в тексте немного, но и это малое количество дает некое представление о герое. Так, мы можем утверждать, что это человек дела, не сентиментальный, добрый, с проявлением кратковременных эмоций, но умеющий держать себя в руках.

Очевидно, что по лицу человека можно судить о его психологическом, эмоциональном состоянии, например, нервничает ли он, удивлен чем-то, сердится или радуется. Поэтому не удивительно, что создавая характер персонажа, автор обращается к средствам **кинесики**. Хотелось бы сразу обратить внимание, что подобные средства в изображении автором Давыдова преобладают.

Для передачи всей разноликой гаммы эмоций героя автор использует *изменение цвета лица*. Он то багровеет, то розовеет, то бледнеет, причем в разных ситуациях цвет его лица может быть одинаков.

Итак, в тексте встречаются моменты, когда Давыдов не согласен со своим оппонентом и испытывает гнев. Именно в такие моменты цвет его кожи приобретает багровую либо розовую окраску:

— *Как это так взяли?! — крикнул, побагровев, Давыдов. [1, 135]; — Это для чего же? —*

Давыдов **порозовел**. — Известно для чего, чтобы господь дожжичка дал [33, 188].

Идентичный цвет принимает его лицо и в моменты смущения либо растерянности и объяснения мотивов своих поступков:

Давыдов **багровел медленно, но густо**. Не в силах преодолеть смущение, он нескладно заговорил о чем-то постороннем. [1, 215];

В моменты наиболее сильных эмоциональных переживаний, его лицо за доли секунды может менять свой цвет, что указывает на особую тревогу и потерю душевного равновесия:

— Колода ты! Сычуг бычий! — У Давыдова **шея багровела**, вспухали жилы на лбу. [1, 72];

В моменты растерянности, невозможности противостоять обстоятельствам, он бледнеет:

Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, полураскрыв щербатый рот, потом хрипло крикнул: — Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! [1, 42];

И наконец, в момент недовольства, лицо Давыдова темнеет. Но это нетипичный пример, потому что в тексте встречается только один раз:

Давыдов **сжал губы, потемнел**: — Чего ты нам жалостные рассказы преподносишь? Был партизан — честь ему за это, кулаком стал, врагом сделался — раздавить! Какие тут могут быть разговоры? [1, 22].

Жесты и мимика идентифицируют своего героя, особенно, если они нетипичны для других героев произведения. Это характерно для идиостиля М. А. Шолохова. У Давыдова есть один жест, который характерен только для него. Он часто **ерошит волосы**:

Это я тебе фактически говорю. — Давыдов **взьерошил волосы**, помолчал, чувствуя, что тронул Макара за живое. [1, 132];

Акцентируя внимание на зубах Давыдова, автор часто использует один и тот же мимический прием. В основном этот прием выполняет **эмотивную функцию**:

Будто плетью Давыдова хлестнули. Он в страшной тишине с минуту стоял молча, бледнея, **полураскрыв щербатый рот**, потом хрипло крикнул: — Ты! Вражеский голос! Мне мало крови пустили! [1, 42];

Реже встречается **контактоподдерживающая функция**:

Давыдов **улучил момент**, когда учительница отвернулась и, **огорченно разводя руками, обнажил зубы**. [1, 322].

Очень интересен факт, который связан с таким мимическим проявлением, как улыбка. Давыдов часто улыбается, думая о чем-либо, находясь без посторонних. В такие моменты его лицо трогает растерянная улыбка:

Давыдов шел в правление, **растерянно улыбаясь**. Подумал было: «Надо ее как-нибудь к работе пристроить, а то собьется бабочка с правильных путей. Будни, а она вырядилась, и такие разговорчики...» [1, 122];

Также улыбку на его лице можно заметить, когда он находится в хорошем расположении духа:

Давыдов, **давясь и напряженно улыбаясь**, довольно качнул головой. — А откуда мясо? [1, 70];

Автор часто делает акцент на положении рук Давыдова для выражения сиюминутного состояния героя. Такие жесты играют роль регулятора речевого общения, в частности, регулятором поддержания речи:

Давыдов **радостно потер руки**, повеселел: — Вот и отлично! Факт, что Шпортной должен знать, кому принадлежит земля [1, 313].

Кроме того, жесты могут повторять или дублировать актуальную речевую информацию:

Давыдов **привскочил, замахал руками**: — Некогда мне! После! Потом! [1, 197];

Выражать эмоциональное состояние:

— Мне эти игрушки не нравятся! — грубо сказал Давыдов и **даже кулаки сжал, задыхаясь от гнева**. — Зачем ты явилась сюда? Где мы с тобой уговаривались встретиться? Отвечай же, черт тебя возьми!.. [1, 219];

указывать на расположенность к адресату:

— Читаю. — Давыдов **завернул страницу небольшой желтоватой книжки**, раздумчиво улыбнулся. — Вот, брат, книжка, — дух захватывает! — засмеялся, ощеря щербатый рот, **раскинув куцы сильные руки** [1, 70].

Наиболее волнительные моменты в жизни Давыдова выдают губы:

Давыдов **вытер ладонью пересохшие от волнения губы**, продолжал: — Вот мы на заводе делаем трактора для вас. Бедняку и середняку-одиночке купить трактор слабо: кишка тонка! [1, 17];

Моменты изумления и удивления автор передает с помощью движения бровей:

Давыдов **изумленно поднял выгоревшие на солнце брови**: — Каких кошек? [1, 348].

Разный эффект создает автор, делая акцент на плечах Давыдова. Но все движения, связанные с плечами, повторяют и дублируют актуальную речевую информацию:

Давыдов **пожал плечами**, уклоняясь от ответа, и сразу же перешел к делу: — У меня к тебе неприятный разговор, сосед. [1, 309];

Таким образом, в портретировании Семена Давыдова автор умело применяет средства кинесики, что помогает читателю увидеть инди-

видуальность героя, присущие только ему черты.

Выражение дружбы, участия или заботы по отношению к адресату передается с помощью **гаптики**:

*Тяжело, всхлипами дыша, Давыдов с минуту ходил по комнате, потом **обнял Андрея за плечи**, вместе с ним сел на лавку, надтреснутым голосом сказал:— Эка, дурило ты! Пришел и ну, давай орать: «Не буду работать... дети... жалость...» Ну, что ты наговорил, ты опомнись!» [1, 38];*

Встречается и проявления интимного отношения к адресату:

*Он **обнял Варю, несколько раз провел ладонью по ее склоненной голове**. [1, 375];*

Жестовое касание является, прежде всего, актом связи, установления контакта с коммуникативным партнером.

Подводя итог рассмотрению использования невербальных языковых средств в описании характера и внешности Давыдова, хочется отметить, что автором использованы приемы окулесики, паралингвистики, гаптики, кинесики. Особенно широко представлена последняя, в полном объеме рисующая портрет героя.

Литература

1. Шолохов, М. А. Поднятая целина: роман. В 2-х кн. / М. А. Шолохов. — М. : Худож. лит., 1984. — 415 с.